

“Селезнёвские чтения”

В третий раз в Краснодаре прошли “Селезнёвские чтения”. 23 сентября ведущие российские писатели, литературные критики, публицисты собрались в стенах факультета журналистики Кубанского государственного университета, чтобы обсудить актуальные проблемы литературоведения, истории, журналистики и культуры.

Конференция неслучайно носит имя Юрия Селезнёва — знаменитого критика, публициста, мыслителя и патриота, родившегося на Кубани. В наши дни именно его работы сверхактуальны. Многие и не знают, что мысль о Третьей мировой принадлежит не современному политическим небожителям и не политологам, а Юрию Селезнёву. В далеком 1977 году критик сказал: “Третья мировая война идёт давно. Война эта идеологическая — против наших душ, против нашей совести, против нашего будущего... микробы, которые разрушают наше сознание, гораздо более опасны, чем те, против которых мы боремся в открытую”. Спустя почти 40 лет, когда в театрах ставят эротический “Тангейзер”, находятся граждане, протестующие против закрытия фотовыставки Стерджеса с голыми детьми, не смолкает полемика по поводу Крыма — “наш”/“не наш”, — остаётся только удивляться, насколько был дальновиден Юрий Селезнёв.

Селезнёва называют одним из духовных вождей русского национального возрождения. Со страниц своих работ он боролся и по сей день борется с русофобией, идейным хаосом, бездуховностью, уничтожением традиций и национальной культуры. Однако читателю Юрий Селезнёв нужен не только как “воин русской идеи”. Его работы о Ф.М. Достоевском, А.П. Чехове, В.И. Белове, В.Г. Распутине, В.М. Шукшине, В.И. Лихоносове и других классиках могут стать пособием по истории литературы и истории страны. В нынешнее царствование переписывателей истории честный, объективный взгляд на “дела давно минувших дней” необходим, как воздух.

“Человек жив, пока жива память о нём...”

Конференция “Наследие Ю.И. Селезнёва и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории” проходит третий год подряд, но складывается впечатлительное, будто это первый раз — такой к мероприятию негаснущий интерес. В актовом зале жарушка большое количество именитых гостей: классик литературы Виктор Иванович Лихоносов, члены правления Союза писателей России Василий Дворцов и Сергей Кунаев, писатель и публицист Юрий Лошниц, главный редактор “Роман-газеты” Юрий Козлов, заместитель главного редактора журнала “Наш современник” Александр Казинцев, писатель и критик Платон Беседин, депутат Заксобрания Краснодарского края Николай Осадчий... Куда ни глянь: телекамеры, фотоаппараты, оживлённые обсуждения. Кто попал бы сюда случайно, ни за что не догадался, что находится на научной конференции.

— После смерти Юрия Ивановича Селезнёва все время предпринимаются попытки вывести его слово за пределы собственного круга и заставить его звучать в других аудиториях, в другой среде, — отметил секретарь правления СРП Сергей Кунаев. — Сегодня нам это удаётся, и “Селезнёвские чтения” — лучшее тому свидетельство.

Критик подчеркнул, что нельзя “ни при каких условиях” оставлять без внимания труды Юрия Селезнёва. В них и прогнозы, и предостережения, и напоминания русскому человеку о том, кто он и откуда.

— Сейчас мысль Селезнёва не просто на повестке дня: она становится, если угодно, жизнедеятельной задачей, — считает Сергей Кунаев.

Абсолютно естественно, что конференция, посвященная Юрию Селезнёву, носит патристический характер.

— “Селезнёвские чтения” идут совершенно в русле усилий наших государственных мужей и президента по спасению народных начал. Эта конференция благодатная, полезная для укрепления нашей мысли и культуры, — отметил Виктор Иванович Лихоносов.

Важно, что многие из докладчиков лично знали Юрия Селезнёва. Поэтому слушатели смогли уз-

За совесть и будущее

Инна БАСОВА

нать не только о критике, серьёзном, уважаемом литературовед, подвижнике русской идеи, но и о друге, сыне, муже. Трогательно звучали воспоминания друга Селезнёва Юрия Лошниц — он рассказал о последних днях критика, о том, какими был Юрий Селезнёв в жизни. Перед глазами встал образ честного, нравственно чистого, стержневого и цельного человека.

Слово и дело

Для Краснодара “Селезнёвские чтения” — большое событие. Со дня своего появления конференция заявила о себе как дискуссионная площадка. Тематический спектр обсуждения широк, выходит за рамки личности и творчества Юрия Селезнёва. Но каждая мысль, каждое высказывание было сошлось со страниц его работ. Причём это не убога случаю — участники конференции действительно смотрят на мир под тем же углом, что и знаменитый критик.

Большая часть зала — студенты. Ёрзуют мало, больше слушают. Для мероприятия научного характера — это несомненный комплимент.

Задал тон дискуссии молодой писатель и критик из Севастополя Платон Беседин. Он рассказал о жизни российского Крыма, его “русской мечте” и трагическом Донбассе, где часто бывает.

Выступила на конференции и главный редактор газеты “Кубанские новости” Елена Золотова. Задавший вопросом “Когда умрут газеты?”, она отвечает: “Никогда!”. На примере “Кубанских новостей” Елена рассказала, как газета помогает людям и как оттого важна её роль в современном обществе.

В тон к докладу Елены Золотовой говорили о жизни книг.

— В настоящее время мы переживаем трагедию книги — вечного друга и спутника человека, — под-

черкнул писатель Юрий Козлов. — Так происходит, потому что многие столетия книга была носителем и защитником тех ценностей, против которых возмущалось современное общество. Книга — вещь, которая объединяет людей, в ней есть история, связь поколений, которая невозможна в электронных текстах. Современным людям, придавленным цифровой “пятой”, это, увы, не нужно.

Однако не всё так мрачно, как высказывается. “Литература не умрёт”, — считает Юрий Козлов. Но выжить в условиях глобализации, по мнению писателя, сможет “только та книга, которая является носителем национальной культуры, национального языка, национальной психологии; та

книга, которая может воспитать патриота, помочь почувствовать связь человека с традициями и историей”. И такая книга несмотря ни на что есть. Настоящим украшением конференции стало выступление Александра Казинцева, после которого хотелось не просто беречь книги — пылинки с них сдувать, причём каждый день. Писатель рассказывал зачарованной аудитории о пользе чтения ран-

них произведений Льва Николаевича Толстого.

— Толстой написал первое произведение, пришедшее ему известность, — “Детство” — в 22 года. Читая эту повесть, другие ранние произведения Толстого и других писателей-классиков, можно острее почувствовать их приёмы, потому что эти приёмы ещё не стали мастерскими. Писатель пока пробует свои силы. Все художественные средства, которыми он владеет, блестят, как бриллианты среди травы.

Александр Казинцев отметил, что в ранних произведениях Толстого читатель встречает прообразы более поздних трудов гения. Здесь и князь Нехлюдов, и Никольская Иртемьева, нотки которого читатель увидит в Андрее Болконском и Николае Ростове; и сестра Никольски Любочка — будущая княжна Марья.

— Читая произведения не только Толстого — всех классиков — первые и последние, вы увидите, что он общался в начале и что отшлупилось в конце, и, значит, что составляет самую суть этого писателя, — подчеркнул в конце своего выступления Александр Казинцев.

Литературный критик, профессор КубГУ Алексей Татаринов говорил о литературе наших дней. Его доклад “Война миров” в современной русской прозе вызвал широкую дискуссию.

— Юрий Селезнёв много писал об эпическом противостоянии литературных мировоззрений

России и Запада. На Западе художественная словесность перестала мечтать о духовном управлении миром — она хочет быть только литературой. У нас всё иначе. При всей малотиражности, слабой обсуждаемости литература настоящей стремится быть в центре.

По мнению критика, в современном литературном процессе на первом плане “идеологии, авторские дидактические движения”. За писателем нашего времени часто скрывается философ-практик, иногда прагматик общественного движения. Отсюда писательские “фланги” и диаметрально противоположные, как, например, у Захара Прилепина и Владимира Сорокина, идейно-художественные миры.

Напутствие молодым

Особое внимание уделили молодой части аудитории. Виктор Иванович Лихоносов, который всегда с большим желанием и удовольствием общается с молодёжью, не мог не обратиться к студентам:

— Любите литературу, выбирайте в дорогу жизни любимого писателя, который станет вам другом. Помните историю, любите малую родину. Если не будет благоговения перед родной землёй, перед русской литературой, перед великими писателями, то Россия никак не успеет.

К счастью, в нашей стране немало патристических настроенной молодёжи, и молодые участники конференции лучшее тому свидетельство. Они любят читать, уважают и интересуются историей, неравнодушны к культурному наследию России, могут цитировать Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского...

— Невозможно победить такой народ! — воскликнул писатель Василий Дворцов. — Сколько тысяч прекрасных ребят, наших героев, которые не оставят Россию умирающей: они перевернут, поднимут, поставят и прославят её!

Приятно удивило, что на конференции, в названии которой есть фраза “актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории”, показали не только эти самые проблемы, из-за которых многие молодые люди не испытывают патристических настроений, но и причины любить Россию, делать её лучше и гордиться ею.

С каждым годом конференция собирает всё большее и большее количество участников. Но нужно признать, что ничего бы не было без энтузиазма её организатора — литературного критика, профессора КубГУ Юрия Павлова.

— Кубань в 20 веке породила только двух великих людей в области литературы и критики — Юрия Кузнецова и Юрия Селезнёва. Однако до сих пор в крае эти имена общероссийского масштаба не стали объектом серьёзного изучения, осмысления, — отметил Юрий Павлов. — Юрий Селезнёв — один из лидеров русской партии 70-80-х годов, оставил богатейшее литературно-критико-публицистическое наследие, которое актуально сегодня и, думаю, будет актуально всегда. Достоинство, что две книги Селезнёва “Достоевский” и “В мире Достоевского” — лучшее, что было написано о великом писателе в 20-м веке. Этими и другими своими книгами, своей подвижнической редакторской деятельностью Селезнёв делал всё возможное и невозможное, чтобы Третья мировая война, о которой он так точно сказал, не была проиграна.

Пока у Юрия Селезнёва есть единомышленники, можно даже сказать, соратники, слово и дело кубанского критика продолжает жить. В борьбе за дух, совесть и будущее точка не поставлена, но и о проигрыше, слава богу, говорить не приходится.

Николай ЧИСТЯКОВ ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ

Вадиму Кожинкову

Ты молвил то,

что все так ждали долго:

“Не быть Москве

под ханскою рукой!”.

Взяты Казань и Астрахань,

и Волга

Навеки стала русскою рекой.

Любовь к народу —

не надменность барства! —

Явил, какой не видано с тех пор:

Важнейшие

вопросы государства

Решал тобою созванный собор.

Ты часто,

облачён державным чином,

Обязан был

изменников казнить.

Потом в тиши,

смирненным христианином,

Просил Всевышнего

измену им простить.

Казнить и миловать —

тебе то свыше право

Дано,

когда ты венчан был в цари.

Тобою создана

могучая держава,

Её не сокрушили лжецари.

Больной душой,

израненной и тонкой,

Ты об одной России лишь радел.

Предательство друзей...

Предательство потомков...

Великий государь!

Печален твой удел!

Тебя судить

потомкам очень просто,

Но нынешний историк

подсказал:

Ты потерял любовь,

оставивши грозным,

Но *тихим* бы — Россию потерял.

(начало на стр.1)

В.Л.: Я не знаю, думал ли я об этом. Просто я чувствовал что-то. Я все время гонимый, когда писал, когда ходил по людям. Гонимый, что исчезли целые роды кубанские, не мелькнул фамилии Толстопят, Поночевный, Рашпилль, Свидни и другие.

Когда я работал над романом, уже ничего не было. Какая-то, может быть, фамилия блещёт, и та уже миллион раз переродилась. Как это случилось? Одни эмигрировали и умерли за границей. Или здесь окончили свою жизнь — в голодоре, были посланы или убиты.

В Тамани иду по кладбищу, читаю: Лисевичие (однофамильцы жили и в Старотиторской, в Ахтинской, в Брюховецкой). Род старокубанский, офицерский. Все искоренено. Потому, когда казачество стало возрождаться, то возрождаться оказалось не на чем. Даже милые чудесные казаки показались плебеями, людьми, потерявшими или не осознающими своих корней. И поэтому они начали с поминаения рептильных героев, воевавших с горцами. Это все хорошо: Кавказская война и прочее. Но надо было начинать с того, что ушли в 1920 году и не вернулись кровные казаки, бывшие за Кубань не хуже прежних.

Атаману надо было позабиться об этом. Ощущение русской родovitости — великое благо. В Калифорнии ко мне подошел Тизенгаузен. Я аж встретился! Тизенгаузен так связан с Пушкинами, с дочкой Кутузова.

Сейчас, когда я пишу про матушку (она у меня из Воронежской губернии, Росооскопного уезда Бутурлиновской волости, села Елизаветино), то ради настроения лягу и почитаю в “Биографическом словаре” Половцова, в воспоминаниях потомка Бутурлиных, как любимцем царицы Елизаветы граф Александр Бутурлин перевез хохлов из Чернигова или из Черкасс в Воронежскую губернию, и основалась Бутурлиновка. И в четырнадцатые верстах от неё завелись все мои деды и бабушки, а потом родилась и моя матушка Татьяна Андреевна. Эта прославленная фамилия покинута лишь в литературе. Целое кружево старинных русских родов, которые должны были бы согреть, по крайней мере, души писателя, распустила революция. И живём без родовитого слова — огромного накопленного веками пласта родovitости самой России! А родovitость крестьянская, купеческая — всё кануло. Назаров мне говорит: “Что ты всё плачешь по дворянам, ты же крестьянин?”. Вырождение меня печалит. Посмотрите на Никиту Михалкова. Казалось бы, он и должен был снимать фильмы о русской породе, чтобы мы с вами вздыхали о вековой России. Зачем нам “Сибирский цирюльник”?

М.С.: Виктор Иванович, в советское время поклонники “заваливали вас письмами. Чувствуете ли вы сегодня связь со своими читателями?”

В.Л.: Кто вам сказал, что меня “заваливали” письмами? Такого никогда не было. Просто у меня есть читатели. Я давно их знаю. Недавно мне написала одна поклонница, что до сих пор держит мою книгу на полке, периодически её снимает... Это очень важно. Таких читателей немного. Их не может быть миллионы, как у Анатолия Рыбакова

после “Детей Арбата”. Его читатели побили и ушли. Они уже забыли, что он им когда-то нравился.

Смысл самого существования литературы — в накоплении любимых читателей, которые все вместе поддерживают своим восторгом культуру слова, значимость литературы для души народной. Как я любил “Тихий Дон” Шолохова! Все с Шолохова и началось. Как мы с Назаровым разговаривали о Шолохове — это только мы с ним знаем. Назаров ездил в Вешенскую, а потом и я. Я был одарён признанием читателей, которые (так писали мне) меня перечитывали. Мне достаточно. Если кто-то в армии носил мою книжку “Осень в Тамани” под пряжкой, спасибо ему. Засыпать с книгой, класть под подушку — такое влияние на читателя полезно. Но коварное соблазнение души привнесено в литературу в поздние советские годы. Задача была не вододушить на доброе, а разложить.

М.С.: За свою жизнь вы общались с такими разными и выдающимися главными редакторами, как Александр Твардовский, Сергей Вилулов, Станислав Кунаев, Леонид Бородин. Кто из названных главных редакторов был наиболее созвучен вам как человек и профессионал?

В.Л.: Твардовский был слишком высок и далек для меня. Я всё время вспоминаю себя студентом провинциального пединститута, караулившим раз в неделю “Литературную газету” и “Литературу и жизнь”. Как я читал “Литературную газету” и “Литературу и жизнь”! Там какие-то редкие люди, они пишут... А кто это? Это смущение осталось во мне до сих пор. Возле Пушкинской библиотеки на стенде крепилась свежая “Литература”, иногда “Правда”. Прохожу мимо... Что там такое? “За далью — даль”. Новые главы Твардовского. Или Владимир Солухин, статья об убийстве в Подмошье поэт Дмитрия Кедрин. Его же “Письма из русского музея” в журнале. Даже художника Илью Глазунова читал и что-то выписывал: “Дорога к другу” в журнале “Молодая гвардия”. Какие поднебесные таланты! А я? Студент, будущий сельский учитель. Но чужок я был ко всему остро или таинственно русскому.

И вдруг я взлетаю в Москву. Вроде только что читал в “Литературе и жизни” статьи Сергея Антонова о мастерстве писателя, а он уже рядом, за столиком в ЦДЛ. Я до сих пор удивляюсь: как это Господь меня пожалел? Или... Только что вышла моя вторая книжка в Москве с предисловием Юрия Казакова — “Голоса в тишине”. Еду из Новосибирска, захожу в ЦДЛ, в “предбанник” сидит Казаков. “Ну, старичок! Ты скоро будешь, старик, знаменитое меня. Видел подвал в “Комсомолке”?”. А Сергей Петрович Антонов, приглашая сестрёнку, говорит мне: “Спасибо, прочел “Женские слёзы”. Бы прямо как Толстой пишите, поворачиваете характеры”. Ну, хоть стой, хоть падай! Уже думаю: как бы дальше-то не опозорился. Уже вроде и писать не о чем. А похвалой душа поражена насковз!

Или приезжаю в Москву в январе 1965 года, захожу в “Новый мир”, где я

уже печатался. Спускается сверху заместитель Твардовского, автор учебника по литературе, Александр Григорьевич Дементьев. Я говорю: “Александра Трифоновича увидеть можно?”. Он бурчит: “Ну, а чего ж... У нас же не контора. Конечно, поднимайтесь”. Я вскопил по ступенькам на второй этаж. Из кабинета выходит Борис Германович Жакс, второй зам, он потом умер в Германии. За ним Твардовский, уже одетый. Я назвался. А мне тёща купила тёмно-зелёное пальто, китайское, непомерно большое. Да, представля-

юсь. И Твардовский разворачивается и приглашает войти в кабинет. Скидываю своё пальто на диван и по-свойски советую: “Снимайте и бросайте на моё”. Сразу стало так легко и хорошо! Второй раз я его видел на съезде писателей в Колонном зале Дома Союзов в 1970 году. Вот и всё общение. Я иногда думаю: “Да как это я напечатался в “Новом мире”? Господь пожалел анапского учителя”...

Когда “Новый мир” (Ефим Дорош) отверг “Люблю тебя светло!”, я ушёл к Вилулову в “Наш современник”. Я дурак, говорю: “Сергей Васильевич, ну что-то интеллигентские в вашем журнале мало. Про интеллигентно надо писать”. Для него это — нож в сердце (смеётся). — М.С.). И вот он не напечатал “Когда же мы встретимся”, как раз про интеллигентно. Когда я получил Государственную премию за “Наш маленький Париж”, Вилулов, который был в комиссии, меня поздравил. Он, наверное, пожалел, что не напечатал...

Станислав Кунаев добрый, весь раскрытый человек. С ним легко. Мы вместе летали к Шукшину на Алтай. В Америке с ним был. Как-то мне с ним необычайно тепло и просто. Про него пишут не то. Он совершенно незлобный человек. Он пишет искренне. Я очень огорчен, что его именем хотят запугать. Да, он жёсткий в отстаивании своих позиций...

“Наш современник” — не хуже, чем при Вилулове. Время, конечно, другое. Сегодня нет в журнале той прозы, которая писалась при Вилулове. Но её нет и в литературном обиходе. А направление, идейная глубина сохраняются железно: русскость в самом хорошем смысле слова, верность своей почве. Народ это понимает. Народ столько лет держит журнал на своих плечах помощью и подпиской. Сорос ему не помогал. А среди журналов тираж самый большой.

М.С.: Виктор Иванович, одну из лучших статей о вашем творчестве написал Юрий Селезнёв. Статья с названием, на мой взгляд, очень тонко и точно отразившим особенность вашего творчества, вашего мироощущения — “В одно сердце с любовью”. И вы ему ответили добрым словом, но уже, к сожалению, посмертным. Расскажите о Селезнёве: что это был за человек, что вас связывало?

В.Л.: Очень хорошие статьи писал обо мне Олег Михайлов. Он очень тонкий человек, чувствовал художество очень хорошо. У Олега есть такие строки, абзацы, которые звучат просто как музыка, как проза. Хотя некоторые вещи, некоторые строки я бы не то,

что оспорил, я бы вычеркнул, поскольку чувствуюсь легкомыслие человека, который был молод.

Юра писал, как говорил Аксёнов, угрюмо-серьёзно. Он был серьёзнее, трудолюбивее, основательнее, нежели знакомые мне московские гении, которые допускали тогда такую лёгкость в оценке произведений, когда думали одно, а писали другое. Юра этого

почти не допускал. Он был обуреваем страстью к литературе (не без тщеславия, может быть, порой, но без жадности самоутверждения). Его упорство превращалось, в конце концов, в плодотворное служение литературе.

Юра очень быстро рос, очень много работал. Он добровольно сгорал, хотя любил жизнь так же, как мои чудесные приятели-москвичи. Но Юра был гораздо жертвеннее. Эта жертвенность и привела его к ранней гибели. И мы часто думали с Сашей Федорченко, его кубанским другом: вот грянули после смерти Селезнёва такие исторические события, и он, если бы не погиб дгенибуй под Останкино или у “Белого дома”, играл бы одну из самых значительных ролей в патристическом русском движении. Может быть, возглавил что-то общественное, какое-то издание, журнал... Такова была, очевидно, его природная миссия. Для этого, конечно, родился.

Селезнёв был настоящим, редкостью последователем в своём призвании, которое он почувствовал ещё в студенческие годы. Юра беспрерывно читал. Он старался везде успевать. Москва его немножко затянула в нехорошую сторону, в суету какую-то, но всё это постепенно преодолелось. И его смерть — потеря огромная! Можно сказать, что это потеря, равная потере Николая Рубцова, Василия Шукшина... Они бы развивались постоянно, росли, не останавливаясь на достигнутом... Что бы написал Шукшин? Какой это был светлый, нежный, грустный гений! А Рубцов... Селезнёв в эти годы был весь в борьбе. Он написал бы, наверное, о Лермонтове.

(Уже после интервью о смерти Юрия Селезнёва как о величайшей потере для России и русских говорили в разных контекстах критики, писатели, историки. Так, например, в газете “Завтра” один из лучших историков современности Андрей Фурцев написал: “При этом почвенников очень сильно давил КГБ. Те, кого Андропов называл русистами, получали значительно более длительные сроки, чем диссиденты, которых частично просто гнали по головам. И целый ряд людей, которые могли бы стать лидерами патристического поколения в Советском Союзе, странным образом погибли — это и Василий Шукшин, и Юрий Селезнёв, и Константин Васильев” — М.С.)

М.С.: По вашим словам, вы стали редактором журнала, чтобы “воскресить для казаков их же жизнь, жизнь их предков”. А как сами казаки относятся к журналу и к вам?

В.Л.: К сожалению, те, кто читает и

подписывается, нам почти неизвестны. Известно только, что там где-то читают и плачут, как говорится. Все остальные казаки ничего не читают. Причём, это не я теряю что-то, а они теряют. Если бы я говорил, что они не читают меня, — это одно. Но они не читают своих родичей. Такие были хорошие воспоминания! Даже я, сибиряк, и то не могу равнодушно всё это читать. И они многое потеряли. Атаманы историческому наследию не придали того значения, которое надо было придать. С воспоминаний надо было начать своё возрождение. И тогда бы им открылось всё: какая была жизнь, какие были офицеры, какие были полки, как вели себя люди, как вели себя казаки, как казак, возвращаясь с германского фронта после плена, подыскал к станинне, не знал, что делать. Ему было стыдно, что он был в плену. Как вёл себя офицер в театре. Как вёл себя Бурсак, предводитель дворянства. Возродиться невежественным нельзя. А вы вооружены только декоративным кинжалом.

В 2013 году в Краснодаре открывали памятник Корнилову. Присутствовали казаки Екатеринодарского и Елизаветинского отделов (больше никого не было). Некоторые спрашивали: “А где похоронили Корнилова?” Как? Ты не знаешь, что случилось после гибели? Корнилов виноват перед государем, но позже он боролся за Россию, и эта борьба продолжается по сей день. С каждым днём она обостряется.

Нет так давно суд в городке Славына-на-Кубани вынес постановление: снять мемориальную доску на доме, который 120 лет числится у краеведов как дом семьи генерала В.Г. Науменко. Вернувшись из Америки регаллии сберег именно Науменко. Во время войны постарался переправить их из Германии в Америку. Когда умерла его дочь, наши нынешние казаки не выразили соболезнования, не дали телеграмму, ни слова не сказали по телевидению и в кубанских газетах. Они, мол, предатели. Зачем же забрали регалли, которые “предатели” спасли? Дочь уже всех сил помогала возвращению регаллий домой. А в 1996 году, когда крепили памятную доску к дому Науменко в станице Петровской, речь произносил атаман, который в комитете Законодательного собрания края ведёт дела казачества. Почему-то громкого слова не вымолвил.

М.С.: Виктор Иванович, сегодня многие говорят о ненужности Союза писателей России как творческой организации. Что вы думаете по этому поводу?

В.Л.: Москвичам, может, он и не нужен. У них есть куда пойти. А мы, когда приезжаем в Москву, прежде всего идём в наш Союз писателей на Комсомольском проспекте.

М.С.: В декабре 2012 года ушёл из жизни Василий Иванович Белов. Вы — лауреат премии им. Василия Белова “Всё впереди”. Вы не одно десятилетие знали Василия Ивановича. Как вы оцениваете место Белова в истории русской литературы XX века?

В.Л.: Это был человек крестьянского рода, который нес в себе тысячелетнее русское чувство. Когда он умер, много всего говорилось. Я позвонил Крину: “Ты чего говоришь-то?”. А он

в “Русском вестнике” напечатал: с одной стороны, мы горюем, что Белова нет, с другой стороны, мы радуемся, его творчество останется на века. Он имел в виду, конечно, то, что нужно радоваться за всех, кто уходит к Богу. Наверно, это правильно. Это так. Но даже плач вдовы Дмитрия Донского — это такая скорбь! Я думаю, что она веровала в Бога больше, чем Крупин. Тем не менее, так горевала, но не радовалась. Анечка, дочка Василия Ивановича, сказала лучше всех писателей: папа так и не смог уйти из мира деревни. Он там так и остался. Белов походил Италию, Францию, Москву, Петербург, а весь-весь пребывал в своей деревне, со своими понятиями, любовью, привычками. Он нигде не хотел жить, кроме дома. Он даже Вологодой томился. Вот эти тысячелетний русский человек! Вот